

благодаря которому он является хорошим судьей в вопросах искусства. Он никогда не совершит бесчестного поступка, потому что он органически на то не способен. Он всецело разделяет самые благородные и высокие чаяния своих современников. Подобно многим «идеалистам» того времени, он стыдится быть рабовладельцем, и в голове его сложился смутный план насчет его крестьян, который он все собирается изложить письменно; план этот, когда он будет приведен в исполнение, должен улучшить положение его крепостных и в конце концов способствовать их полному освобождению.

«Ему доступны были наслаждения высоких помыслов, — говорит Гончаров об Обломове, — он не чужд был всеобщих человеческих скорбей. Он горько, в глубине души, плакал в иную пору над бедствиями человечества, испытывал безвестные, безымянные страдания, и тоску, и стремление куда-то вдаль, туда, вероятно, в тот мир, куда увлекал его, бывало, Штольц...

Сладкие слезы потекут по щекам его...

Случается и то, что он исполнится презрением к людскому пороку, ко лжи, к клевете, к разлитому в мире злу и разгорится желанием указать человеку на его язвы, и вдруг загораются в нем мысли, ходят и гуляют в голове, как волны в море, потом вырастают в намерения, зажгут всю кровь в нем; задвигаются мускулы его, напрягутся жилы, намерения преобразуются в стремления: он, движимый нравственной силою, в одну минуту быстро изменит две-три позы, с блистающими глазами привстанет до половины на постели, протянет руку и вдохновенно озирается кругом... Вот-вот стремление осуществится, обратится в подвиг... и тогда, Господи! Каких чудес, каких благих последствий могли бы ожидать от такого высокого усилия!..

Но, смотришь, промелькнет утро, день уже клонится к вечеру, а с ним клонятся к покою и утомленные силы Обломова: бури и волнения смирятся в душе, голова отрезвляется от дум, кровь медленнее пробирается по жилам. Обломов тихо, задумчиво переворачивается на спину и, устремив печальный взгляд в окно, к небу, с грустью провожает глазами солнце, великолепно садящееся за чей-то четырехэтажный дом.

И сколько, сколько раз он провожал такой солнечный закат!»

Таким образом, Гончаров описывает то состояние бездействия, в которое впал Обломов в тридцатилетнем возрасте. Это высшая поэзия лени — лени, созданной целой жизнью старого крепостничества.

Обломову, как я уже сказал выше, жилось довольно неудобно на его квартире; но, когда домовладелец, желавший сделать какие-то поправки в доме, потребовал очистки квартиры, Обломов почувствовал себя глубоко несчастным: переезд кажется ему чем-то ужасным, необычайным, и он употребляет всякого рода уловки, чтобы отдалить неприятный момент. Старый Захар пытается убедить Обломова, что им нельзя оставаться на старой квартире вопреки желанию домовладельца, причем необдуманно замечает, что ведь «другие» переезжают, когда нужно.

«— Я думаю, что другие, мол, не хуже нас, да переезжают, так и нам можно... — сказал Захар.

— Что? Что? — вдруг с изумлением спросил Илья Ильич, приподнимаясь с кресел. — Что ты сказал?

Захар вдруг смутился, не зная, чем он мог подать барину повод к патетическому восклицанию и жесту. Он молчал.

— Другие не хуже! — с ужасом повторил Илья Ильич. — Вот ты до чего договорился! Я теперь буду знать, что я для тебя все равно что «другой»!»

Спустя некоторое время Обломов зовет Захара и вступает с ним в чрезвычайно характерное объяснение, которое стоит привести:

«— Да ты подумал ли, что такое другой? — сказал Обломов.

Он остановился, продолжая глядеть на Захара.

— Сказать ли тебе, что это такое?

Захар повернулся, как медведь в берлоге, и вздохнул на всю комнату.

— Другой — кого ты разумеешь — есть голь окаянная, грубый, необразованный человек, живет грязно, бедно, на чердаке; он и выпитися себе на войлоке где-нибудь на дворе. Что этакому сделается? Ничего. Трескает-то он картофель да селедку. Нужда мечет его из угла в угол, он и бегаёт день-деньской. Он, пожалуй, и переедет на новую квартиру. Вон, Лягаев, возьмет линейку под мышку, да две рубашки в носовой платок, и идет... «Куда, мол, ты?» — «Переезжаю», — говорит. Вот это так «другой»! А я, по-твоему, «другой» — а?

Захар взглянул на барина, переступил с ноги на ногу и молчал.

— Что такое другой? — продолжал Обломов. — Другой есть такой человек, который сам себе